

Маленький друг

Donna Tartt

**The Little
Friend**

Донна Тартт
**Маленький
друг**

роман

Перевод с английского
Анастасии Завозовой

издательство аст

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

T21

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Тартт, Донна

T21 Маленький друг : роман / Донна Тартт; пер. с английского А. Завозовой. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2015 — 640 с.

ISBN 978-5-17-088752-1

Второй роман Донны Тартт, автора знаменитого “Щегла”, вышел в свет в 2002 году. Девятилетнего мальчика Робина находят повешенным во дворе родительского дома. Убийцу найти так и не удалось. Когда случилась эта трагедия, сестра Робина Гарриет была совсем маленькой. Теперь она — упрямый, волевой, решительный подросток. Она решает во что бы то ни стало найти и покарать убийцу, но и не догадывается поначалу, какую опасную игру она затеяла.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-088752-1

- © Donna Tartt, 2002
 - © А. Завозова, перевод на русский язык, 2015
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, 2015
 - © ООО “Издательство АСТ”, 2015
- Издательство CORPUS ©

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	11
ГЛАВА 1. Мертвый кот	23
ГЛАВА 2. Черный дрозд	70
ГЛАВА 3. Бильярдная	160
ГЛАВА 4. Миссия	275
ГЛАВА 5. Красные перчатки	339
ГЛАВА 6. Похороны	391
ГЛАВА 7. Башня	468

Нилу

*Крупнца знаний, которую можно получить о вещах
высшего толка, нам желаннее самых точных
познаний о вещах низких.*

Святой Фома Аквинский
“Сумма теологии”

*Дамы и господа, на мне надеты наручники,
над которыми пять лет трудились лучшие британские механики.
Не знаю, удастся ли мне выбраться или нет,
но уверяю вас, что приложу к тому все усилия.*

ГАРРИ ГУДИНИ,
лондонский театр-варьете “Ипподром”,
День святого Патрика, 1904

ПРОЛОГ

Всю оставшуюся жизнь Шарлотта Клив будет винить себя в смерти сына из-за того, что решила в День матери садиться к столу не в полдень, после церкви, как было заведено у Кливов, а вечером, в шесть. Новые порядки пришлось старшим Кливам не по нраву — они, правда, с подозрением относились ко всему новому, но Шарлотте все равно казалось, что надо было тогда прислушаться к этому глухому ворчанию, что то был еле приметный, но зловещий знак — жди недоброго; конечно, знак этот и по прошествии времени было трудно углядеть, но как знать, может, на большее-то в жизни рассчитывать и не стоит.

Хоть Кливы и обожали пересказывать друг другу даже самые незначительные моменты семейной истории — они могли картинно, с риторическими паузами, слово в слово, воспроизвести сцены у смертного одра или предложения руки и сердца, приключившиеся сотню лет тому назад, — но события того ужасного Дня матери они не обсуждали никогда. Не обсуждали они их даже когда пару Кливов сводила вместе долгая поездка в авто или бессонница на полуночной кухне и можно было посекретничать, это-то было из ряда вон, потому что в таких семейных беседах Кливы и познавали мир. Они без усталости воскрешали в семейном кругу даже самые страшные, самые непостижимые беды — как еще младенцем угорела при пожаре двоюродная сестра Шарлотты, как погиб на охоте ее дядя, когда Шарлотта была еще школьницей. Мягкий голос бабки и суровый материнский гармонично сплетались с дедовым баритоном

и трескотней теток, и стоило одному предприимчивому солисту приукрасить мелодию, как хор тотчас же подхватывал и доводил новый мотив до ума, пока всеобщими усилиями не выходила совсем новая песня, после чего вся честная компания заучивала эту песню наизусть и пела ее до тех пор, пока песня не подменяла собой правду, потихоньку стирая все воспоминания о произошедшем. Вот так вот и выходило, что разъяренный пожарник, которому не удалось откатать крохотное тельце, в пересказе принимался трогательно рыдать, а приунывшая охотничья собака, которую смерть хозяина на пару недель выбила из колеи, назначалась вдруг той самой сраженной горем Султанкой из семейных легенд, что безустанно рыскала по дому в поисках любимого папочки, ночи напролет безутешно выла в будке и принималась радостно гавкать, стоило появиться во дворе милому призраку, потому что только она его и чуяла. “Собаки видят то, чего люди не видят”, — как по команде в нужный момент нараспев произносила тетка Тэт. Она была склонна к мистицизму, и призрак был ее изобретением.

Но вот Робин, славный их малыш Робс... Уж больше десяти лет прошло, а его смерть по-прежнему их мучила — на такие подробности не наведешь глянец, такой ужас не поправишь, не перекроишь никаким сюжетным приемом из арсенала Кливов. И — раз уж эта умышленная амнезия не дала сделать из смерти Робина милый семейный рассказец, который и самые горькие тайны обточил бы в понятную, удобоваримую форму — воспоминания о событиях того дня были хаотичными и разрозненными, кошмаром, распавшимся на яркие зеркальные осколки, которые всплывали, едва запахнет глицинией, заскрипит бельевая веревка, потемнеет к грозе — как тогда — весенний воздух.

И бывало так, что живые эти всполохи воспоминаний казались обрывками дурного сна, как будто бы ничего этого на самом деле и не было. И только для Шарлотты реальнее этого больше не было ничего.

Традиция — вот единственная история, в которую она могла собрать эту мешанину образов, традиция, которая не менялась с самого ее детства, сюжетный каркас из семейных сборищ. Но и это не помогало. Заведенным порядком в тот год пренебрегли, все домашние правила нарушили. Теперь казалось, что все тогда было сигналом — жди беды. Ужинали они не как обычно, в дедовом

доме, а у нее. Букеты на столы всегда ставили из роз, а тут — из орхидей. Или вот куриные крокеты — их все любили, у Иды Рью они отлично получались, Кливы ели их на дни рождения и в сочельник, но никогда они эти крокеты не готовили на День матери, да они в этот день ничего особо и не готовили — обычно обходились свежим горохом в стручках, кукурузной запеканкой да окороком.

Предгрозовой, прозрачный весенний вечер, низкие, растекшиеся облака и золотой свет, лужайка перед домом пестрит одуванчиками и диким луком. Воздух пахнет свежо и остро, как перед дождем. В доме смеются, разговаривают, вдруг взмывает над общим гамом плаксивый, недовольный голосок старенькой тетки Шарлотты, Либби: “Да нет же, ничего я такого не делала, Аделаида, да никогда в жизни!” Кливы обожали поддразнивать тетю Либби. Она была старой девой и боялась всего на свете: собак, грозы, алкоголя в пудингах, пчел, негров, полицейских. Порыв ветра покачал белье на веревке, пригнул к земле сорняки, вымахавшие на пустыре через дорогу. Хлопнула дверь с москитной сеткой. Робин выскочил на улицу, прыгая через две ступеньки за раз, покатываясь со смеху над шуткой, которую ему рассказала бабушка (“Отчего письмо намокло? Потому что бумага с водяными знаками...”).

Но ведь кто-то должен был быть во дворе, приглядывать за ребенком. Гарриет — толстому хмурому и молчаливому младенцу с целой копной черных волос — тогда еще не исполнилось и года. Она была накрепко пристегнута в креслице заводных качелей, которые стояли на дорожке перед домом. Ее четырехлетняя сестра Эллисон тихонько играла на ступеньках с котом Робина по кличке Вини. В отличие от Робина, который в этом возрасте уже всюю трещал забавным сипловатым голоском и складывался пополам, хохоча над собственными шутками, Эллисон была пугливой, застенчивой и начинала рыдать, едва кто-нибудь пытался обучить ее алфавиту, а потому их бабка, у которой на этикие выкрутасы терпения не хватало, ее почти что и не замечала.

Тетка Тэт была во дворе с самого утра, играла с младшенькой. Сама Шарлотта металась между кухней и столовой, и хоть пару раз за дверь высунулась, но особо за детьми не следила, потому что их домработница Ида Рью, решившая, что, пожалуй, можно и пораньше начать запланированную на понедельник стирку, то и дело выходила на улицу — повесить белье. Потому-то Шарлот-

та и не беспокоилась, ведь обычно по понедельникам, когда Ида стирала, она и детей не теряла из виду — вечно была то во дворе, то на заднем крыльце возле стиральной машинки, а значит, даже самых маленьких можно было спокойно оставлять на улице. Но усталость, роковая усталость в тот день навалилась на Иду, ведь ей надо было и гостей обхаживать, и приглядывать за плитой, да еще и за младенцем, а настроение у нее и без того было хуже некуда, потому что обычно по воскресеньям она возвращалась домой к часу, а тут не только ее мужу, Чарли Ти, пришлось самому себе обед готовить, так и сама она, Ида, из-за этого в церковь не попала. Поэтому Ида настояла на том, чтоб на кухне включили радио — тогда уж она хоть воскресную службу из Кларксдейла послушает. В черном форменном платье с белым передником она, надувшись, хлопотала на кухне: из динамиков, включенных на всю громкость, неслись госпелы, Ида разливала чай со льдом по высоким стаканам, а выстиранные рубашки крутились и хлопали на веревке, с отчаянием воздевая рукава к надвигающимся тучам.

Совершенно точно выходила на крыльцо и бабка Робина — ведь это она сделала снимок. В семье Кливов мужчин было немного, поэтому вся грубая мужская работа доставалась ей — она подрезала деревья, возила старушек в церковь и за покупками. Делала она все бодро и с бойкой решительностью, которой дивились ее робкие сестры. Из них-то никто не умел водить авто, а бедняжка тетя Либби так боялась любых приборов и механизмов, что принималась плакать, если вдруг надо было разжечь газовую горелку или поменять лампочку. Фотоаппарат вызывал у них любопытство, но они все равно его побаивались и восхищались тем, как легко и невозмутимо их сестра управляет с этой мужской штуковиной, которую надо было заряжать и наводить на цель — точно ружье. “Вот так Эдит, — приговаривали они, глядя, как Эдит сноровисто перематывает пленку или подкручивает объектив, — Эдит все по плечу”.

В семье считалось, что Эдит, несмотря на все ее многочисленные и поразительные умения, с детьми ладила не особо. Она была самолюбивой, несдержанной, да и в манерах у нее не было даже намек на теплоту; за любовью, поддержкой и утешением Шарлотта, единственный ее ребенок, вечно бежала к теткам (к Либби — чаще всего). Гарриет была еще слишком мала, чтоб выделять

кого-то из родственников, а вот Эллисон до ужаса пугалась, когда бабка в очередной раз пыталась ее растормошить, и, если ее оставляли у Эдит дома, ревела. Но до чего же, ох, до чего же мать Шарлотты любила Робина, и как же он обожал ее в ответ. Она — почтенная дама средних лет — играла с ним во дворе в мячик, ради забавы ловила ему в саду змей и пауков и пела смешные песенки, которым ее научили солдаты во Вторую мировую, когда она была медсестрой:

*Говорят, что эта Пег
Была пегой, как на грех...*

и он подпевал ей милым хрипловатым голоском.

ЭдиЭдиЭдиЭдиЭди! Даже отец с сестрами звали ее Эдит, а он, едва научившись говорить, обозвал ее Эди — наворачивая круги по двору, визжа от восторга. А как-то раз, когда Робину было года четыре, он с самым серьезным видом назвал ее *старушенцией*. “Бедная ты моя старушенция”, — сказал он и глазом не моргнув и похлопал ее по лбу веснушчатой ручкой. Шарлотта в жизни бы не осмелилась так фамильярничать со своей резкой, деловитой матерью — тем более когда та лежала в постели с головной болью, но Эди тот случай здорово насмешил, и она любила всем о нем рассказывать. Когда Робин родился, она уже была вся седая, но в молодости волосы у нее были такие же огненно-рыжие, как и у него: все подарки ему — на Рождество ли, на день рождения — она подписывала: “Робину-Красноголовке” или “Моему Лисенку. С любовью, от старушенции”.

ЭдиЭдиЭдиЭдиЭди! Ему было уже девять, но теперь это приветствие превратилось в семейную шутку, в его серенаду для Эдит, и он, как всегда, пропел ее, едва она вышла на крыльцо в тот вечер, когда она видела его в последний раз.

— А поцеловать старушенцию? — крикнула она ему.

Вообще-то он любил фотографироваться, но иногда капризничал и выходил на снимках рыжеволосой кляксой, острые локти да колени, поскорее вон из кадра — и теперь, стоило ему завидеть, что у Эди на шее висит фотоаппарат, как он умчался, всхлипывая от хохота.

— Ну-ка поди сюда, негодник! — закричала она, порывисто вскинула камеру и все равно щелкнула Робина. Сделала последнее его